

КАК РЕШАТЬ ПРОБЛЕМЫ поколения маугли

Принципы воспитания ответственности в семье

Захар Прилепин,
писатель

Отец четверых детей, Захар Прилепин, обладает ценным родительским опытом. Он определённо знает, как говорить с детьми о сложном. Как помочь им сформировать собственную позицию, собственную систему ценностей, собственный ответственный взгляд на мир. Как уберечь от соблазнов и зависимостей. В том числе от сигарет, алкоголя, наркотиков, телевизора, компьютера... И какова вообще роль семьи в формировании личности ребёнка.

Именно этому была посвящена лекция писателя, состоявшаяся недавно в рамках социального проекта «Я за себя отвечаю», инициированного компанией Heineken в России в партнёрстве с Институтом психотерапии и консультирования «Гармония». Тема профилактики употребления алкоголя несовершеннолетними занимает значительную долю его содержания. Но главным образом проект направлен на воспитание ответственности и личностное развитие подростков, выстраивание диалога между детьми и взрослыми.

С разрешения писателя мы публикуем основную часть его выступления.

Дистиллированное счастье

Всё, что мы произносим или утверждаем, это всегда результат осмысления лишь своего собственного опыта. Иногда мы выдаём его за общечеловеческий. Тем не менее, он при этом всё равно остаётся личным. Поэтому я буду говорить исключительно о личном.

Итак, у меня действительно четверо детей. Старшему 14 лет, дальше идут первоклашки 8 и 6 лет и самая маленькая девочка одного года.

В России настало странное время: когда говоришь о нормальных, базовых вещах — это не то что бы дурной тон, но несколько удивительно. И любой, кто начинает рассказывать про прекрасную жизнь многодетной семьи, напоминает Тома Сойера, который всех уверял, что красить забор — очень приятное занятие. Герою Марка Твена удалось кого-то этим увлечь. Я же, в отличие от него, не стал бы утверждать, что опыт многодетных родителей столь увлекателен для остальных семей.

Вот, например, весь вчерашний день я искренне пытался провести в подготовке к нынешнему докладу. Поднялся как

обычно в 6 утра. Традиционно у нас вся семья встаёт в 6. Потому что детей надо собрать в школу. А ещё какие-то домашние задания ими периодически не доделываются — приходится спешно помогать. В общем, встал в 6 утра, отвёз детей в школу. Приехал на работу. Тут меня вызвонила жена, сказала, что старшему нужно срочно купить обувь для бокса. Я сорвался с работы, просидев там полчаса, и поехал покупать сыну обувку. Когда вернулся на работу, вдруг выяснилось, что дома произошла поломка бытовой техники. Вернулся домой, «поковырялся» с ней и поехал в школу забирать детей. Привёз их домой. Жена говорит: «Посиди с маленькой, пока мы готовим уроки, а то она мешает». А маленькой — год, она везде бегает, как безумный колобок, трогает все предметы, каждую минуту стремится распотрошить мою библиотеку... Так что я ещё немного посидел с маленькой. После чего, уже часов в 5, снова поехал на работу, где какое-то время смог позаниматься делами.

И так, собственно, живёт любая обычная многодетная семья в России. Потому что сама социальная структура современного российского общества не «заточена» под многодетные семьи.

Помню, в юности я смотрел фильм «Крейцера соната» с Олегом Янковским в главной роли. Во время эпизода, когда герой идёт из комнаты в комнату, в каждой из которых сидит его ребёнок, а при нём по три бонны, я думал, какой это забавный парадокс, зачем ему столько нянь. Когда же у меня появились свои дети, я понял, что это совершенно нелишние люди, потому что один заболел, другому в секцию, третий получил «двойку», четвёртый описался. И ты бегаешь по этому кругу, как сумасшедший...

Это я расписал минусы семейной жизни. Потому что плюсы-то очевидны. Их, как правило, «озвучивают» люди старшего поколения. «Захар, — говорят они, глядя на меня печальными глазами, — ты всё сделал правильно. Вот у меня только один. И тот уже вырос. И теперь я буду ещё лет 15–30 бродить в пустой квартире в одиночестве. А тебе хорошо, Захар, тебе очень хорошо».

Думаю, что при всех упомянутых издержках такого бытия смысл в сказанном, безусловно, есть. Потому что всё самое замечательное, самое волшебное, что с нами происходит, — я о себе, конечно, — заключается в чуде появления на Земле нового человека, в чуде его взросления. Это такое дистиллированное счастье! А когда их два, три, четыре или, как у Охлобыстина, шесть, то жизнь вообще превращается в бесконечный карнавал.

Проблемы, касающиеся нынешнего состояния молодёжи и демографии в целом, связаны, на мой взгляд, с рядом странных и парадоксальных вещей, характерных для России вообще. В последние годы нашей стране было так или иначе навязано несколько матриц социального поведения взрослеющих людей, согласно которым рождение детей принято откладывать на долгосрочную перспективу. Условно говоря, сначала карьера, потом — дети.

Впервые я задумался об этом, когда проходил со старшим ребёнком школьный медосмотр. В личной беседе врач, осматривавшая класс, сказала, что мой старший сын — самый первый претендент на службу в армии, поскольку у него ну совершенно ничего не обнаружено, ни одной болезни. При том, что те или иные проблемы со здоровьем есть у 98% школьников. Аритмия, анемия, дистрофия, аллергия... Чего у них только нет! А шестеро мальчиков из его класса вообще бесплодны, у них детей не будет никогда.

С чем это связано? Причин, на мой взгляд, две. Одна — социальная, другая — скажем так, метафизическая. Социальная заключается в том, что у нас существует некая традиция: сначала пожить, поработать, чего-то якобы «добиться», а уже потом приступить к размножению. Это приводит к тому, что детей заводят люди не только с уже несколько поизношенным здоровьем,

но и с несколько поизношенным состоянием духа, что ещё более важно. А, как говорится, все глупости, в том числе и рождение детей, нужно совершать в юности. Желательно сразу после школы. Или армии.

Метафизическая сторона проблемы связана с тем, что в современного россиянина каким-то странным образом была заселена психология человека, который ощущает себя венцом творения. Неким невиданным цветком, которым все должны любоваться и восхищаться. Сам же он декларирует, собственно, лишь одно, являющееся негласной философией всего современного общества: я ничего никому не должен.

Безусловно, в таком состоянии очень сложно о ком-нибудь заботиться. А дети — это, в первую очередь, забота. И ещё то, что заставляет тебя «шевелиться» — во всех смыслах, производить какие-то действия. Только общение с детьми, в моём понимании, способно дать тот нравственный императив, тот базовый комплекс человеческого поведения, который необходим каждому и для личной жизни, и для жизни социальной, и для жизни государственной.

Четыре основных правила

Расскажу о том, какой тип воспитания мы пытаемся создать в нашей семье, хотя, по сути, у нас с женой совершенно разные подходы к общению с детьми. Она находится с ними в непрерывном контакте, постоянно разговаривает, пребывает в курсе всех их проблем. Я же унаследовал от своих родителей совершенно другую матрицу поведения. Несмотря на то, что я рос, слава Богу, в полной семье, помню, что мой отец никогда в жизни со мной не разговаривал. То есть вот так, как описывается в советской прозе, когда отец сажает сына напротив и говорит: «Ну вот, сынок, слушай. Сейчас я расскажу тебе самую последнюю правду».

Никогда в жизни у меня этого не было. А когда я возрос и возмужал, то понял, что, может быть, это самое важное. И, наверное, так и должно быть. Потому что одна из самых трудных проблем для ребёнка — это диссонанс между словами, которые транслируют родители, и их собственным поведением. Именно отсюда проистекают многие проблемы подросткового взросления, в том числе и в общении с алкоголем.

Диссонанс между риторикой и практикой. Он характерен, собственно, не только для наших семей. Он характерен и для российского социума. И для политики в целом. Это совершенно очевидно.

Вот элементарный пример. Когда я прихожу в школу на собрания, я зачастую угадываю родителей по виду одноклассников сына. И дело не только в том, что они похожи внешне. Похожи модели их поведения. Причём похожи настолько, что иногда это просто ошарашивает. Вот, скажем, долгое время одноклассником моего сына был пацан, чей папа — большой начальник из какой-то спецслужбы. Сначала я увидел сына — здоровый такой кабан сидел на стуле, расставив ноги так, будто у него какие-то серьёзные проблемы вроде водянки. А потом было родительское собрание. И вот я вижу точную копию этого пацана, только увеличенную раз в восемь. Одно лицо килограммов на 70...

Так вот, когда такие родители начинают возмущаться, что их дети, к примеру, не читают, я вижу, что они сами ничего не читали не то что с восьмого класса, а, наверное, вообще никогда. У них это просто на лбу написано. Всё, что происходит в семьях, сама модель поведения отца или матери и есть идеальная структура для возникновения новой единицы общества, для возникновения нового человека. Это абсолютный факт.

Дальше. Недавно мне в руки попался один модный молодёжный гляцевый журнал. Читаю. «Институт семьи себя

исчерпал, он больше не нужен в нашем новом обществе», — пишут молодые успешные люди. Я мысленно прямо руками всплеснул: черти вы наглые, думаю, а сами вы в интернате воспитывались, что ли? Даю руку на отсечение, что 99% из них выросли в полных, благополучных семьях. И сейчас им настолько хорошо, что они не хотят ничего менять в своей жизни.

Знаете, чем это чревато? Насколько говорит мне мой личный опыт, *ребёнок, который недополучил радости, нежности, любви, обожания в детстве, в течение первых трёх-пяти лет, будет пытаться компенсировать эти потерянные ощущения на протяжении всей своей последующей жизни. И никогда их не компенсирует.* Так и будет он всю свою жизнь продолжать искать эту любовь, эти тактильные ощущения, будет продолжать ломать свою судьбу и чужие судьбы вокруг себя.

Я абсолютно убеждён: дети рождены для того, чтобы у них было двое родителей. Желательно разного пола. И чтобы эти родители, претерпевая трудности, вырастили их до какого-то возраста. И дали им всю гамму необходимых тактильных ощущений. Это обязательно! Детей нужно целовать, детей нужно обнимать, детей нужно к сердцу прижимать. Им необходимо дать ощущение полной защищённости и вовлечённости в семью. Даже, я бы сказал, воцерковлённости в семье — вот в таком, самом высоком смысле.

А уж потом... Ведь жизнь — она огромная. Жениться и выходить замуж можно ещё раз восемь. Воспитайте детей, на остальное времени хватит выше крыши. На все шесть замужеств. Причём разницы не будет никакой. Зато дети вырастут совершенно нормальные, адекватные. Это пункт первый.

Пункт второй. Напрямую касающийся не только темы алкоголя, но и всех остальных проблем — наркотиков, порнографии, нецензурной лексики и т.д. и т.п. В моём понимании, самые здоровые дети имеют шанс вырасти в той семье, где все эти вещи ханжески не табуированы. Это очень важно. *Нельзя ханжески табуировать всё то, что ребёнок может увидеть и услышать от своих же родителей.* Прятать алкоголь; делать вид, что

мама с папой, особенно папа, конечно, никогда не ругаются матом; отвергать всё, что связано с сексуальностью, хотя это отдельная тема, — неправильно. Все эти вещи с чувством такта и достоинством могут быть представлены детям с соответствующего возраста.

Приведу пример. У меня дома и в машине постоянно звучит современная музыка, большей частью рэп. Безусловно, самые убойные песни с обилием нецензурной лексики я при детях не ставлю, но какие-то произведения, где произносятся какие-то отдельные слова, у нас звучат. И дети их слышат. Уже с 6–8-летнего возраста. Мы с женой как-то не задумывались, стоит или не стоит этого делать. Просто так было. Я люблю эти песни. Вот я их слушал и слушаю. А когда возникла необходимость, мы просто объяснили детям, что в контексте определённого высказывания то или иное слово может быть кем-то использовано и для чего.

А когда моему старшему сыну исполнилось 13, на одном из родительских собраний ко мне подошла его учительница и говорит: «Ваш сын — единственный во всём классе, включая девочек, который никогда не ругается матом. Вот просто никогда». И я подумал, возможно, это именно потому, что данная тема у нас никогда не была табуирована.

Я и сам, в отличие от жены (мы 15 лет в браке, и я в жизни не слышал от неё нецензурных слов), могу иногда выругаться. Кратко и экспрессивно. В том числе даже если старший сын бывает неподалёку. Могу. И не нахожу это вредным. Ведь он взрослый, социализированный человек, он ходит по улицам, где слышит и не такое.

То же с эротикой. Если при семейном просмотре какого-нибудь приключенческого фильма, например, с агентом 007, встречается та или иная любовная сцена, в пределах допустимого, мы не отгоняем детей от экрана. Начиная лет с 6–7.

Так вот опять же в школе учительница моего сына однажды отвела меня в сторону и говорит: «Просто не знаю, что делать. У всех детей телефоны, и практически у каждого, лет с 12, в этих телефонах порнография». Это действительно колоссальная проблема. Но вот что интересно. На днях сын мне рассказывал о том, как ребята в его классе хвалятся какими-то своими необычайными похождениями. И говорил он об этом, смеясь, подшучивая над ними. Поскольку, как он выразился, «я давно про это знаю гораздо больше них». Так что он относится к этому спокойно. Опять же — повторюсь — в силу отсутствия ханжеского табуирования каких-то вещей в детстве.

Следующая тема — Интернет. Долгое время его у нас просто не было. Когда сыну исполнилось лет 12, он ему понадобился — подключили. Потом сын попросил айфон — приобрели. Месяца два он им увлечённо пользовался. Потом вижу: положил и не берёт. Так, время от времени вспоминает, но вскоре опять бросает и не подходит. На вопрос, почему, объяснил: «Знаешь, пап, мне скучно, неинтересно». Видимо, ввиду того, что у него с 5–6 лет выработана привычка к чтению, к точным наукам, к спорту. У него феноменальная память, он изучает сразу два языка, является чемпионом города по вольной борьбе. В общем, у него всегда было занятое, разностороннее детство, множество занятий, которые были ему не менее, а то и более любопытны, чем сидение в Интернете. И когда я купил ему айфон, у него уже была развита другая модель поведения.

Кроме того, я вдруг понял, что в нём — он ведь уже подросток — вырастает некое **чувство подростковой самостоятельности**, связанное с тем, что он не хочет быть похожим на всех остальных. Вот у всех они есть, эти айфоны и вся прочая ерунда, а он оставит свой дома и будет единственным в классе, у которого нет. Сейчас в их среде можно выделиться уже только такими вещами.

Но всё же важнее тут **постоянная занятость ребёнка**. Это третье, на что я хотел обратить особое внимание. Дети, которые принадлежат компьютеру, телевизору и не принадлежат родителям, — это, как выразилась моя тёща, новые маугли. В 90-е — нулевые годы этих новых маугли, до которых никому не было дела, выросло целое поколение. Потому что с тех пор, как исчез Советский Союз, их родители потеряли 8-часовой рабочий день, и теперь они с утра до вечера на службе, а в немногие свободные часы любому человеку, даже взрослому, даже родителю, зачастую хочется заняться самим собой, а не своим ребёнком. Он чем-то там занят в своей комнате, сидит в Интернете, зачарованный всем там происходящим, — а родителям, собственно, и хорошо.

Дети сегодня — да и весь наш социум в целом — напоминают ту самую крысу, к которой подсоединили особые электроды для получения удовольствия. Вот и ребёнок так же: сидит за компьютером и давит на кнопку, чтобы получить резкое удовольствие, пока у него уже пена из ушей не полезет...

Ребёнку нужно придумывать бесконечное количество самых разных занятий. Его сначала нужно научить пользоваться самим собой и своим досугом, а уже после этого предоставлять компьютер, айфон, айфон и все прочие вещи.

Четвёртая вещь связана с **тотальным достоинством поведения родителей**. Тут я уже напрямую перейду к проблеме алкоголя и объясню, почему я, Захар Прилепин, 37 лет, не имею никакой склонности к алкоголизму и уже, наверное, никогда её не приобрету.

Как известно, периодически, если не в каждом моём произведении, люди потребляют большое количество алкоголя. Одна из книг так и называется — «Ботинки, полные горячей водкой». У меня есть романы «Санька», «Чёрная обезьяна», «Грех» — там тоже персонажи всё

время пьют, и очень много пьют. Безусловно, я это не выдумывал. Как писатель, я в этом смысле не теоретик, а практик. Я употребил большое количество алкоголя в своей жизни. Но никакой склонности к алкоголю у меня, повторяю, нет и уже, наверное, не появится.

Думаю, что это связано с моделью поведения моего рода. Я происхожу из двух деревень. По отцу — из деревни Прилепиных Рязанской области. По матери — из деревни Несифоровых Липецкой области. И употребление алкоголя своими бабушками и дедушками я наблюдал с тех пор, как себя помню. Так и вижу, как дедушка садился за стол и начал разливать. За каждым обедом они выпивали по 3–4–5 рюмок водки. За ужином тоже какое-то количество. Так что за день, думаю, набегало по полбутылки или даже по бутылке водки на мужика.

При этом всю свою жизнь, всё время, пока были живы мои деды, я наблюдал, как они работали. Они работали каждый день. Потому что и в одной деревне, и в другой было огромное хозяйство. У деда Несифорова, например, было три коровы, два поросёнка, кролики, гуси, утки — целый зоопарк. Деревенская жизнь не предполагает никаких выходных, потому что животные их не признают. Животных нужно кормить, доить, резать и прочее — ежедневно. Таким образом, модель дисциплинарного поведения моих родителей и дедушек-бабушек была заложена мне с малолетства и прямо в подкорку.

Позже, когда я повзрослел, когда стал более или менее известным писателем, у меня появились свободные деньги на то, чтобы застолье могло происходить в моём доме в любой удобный мне день. Сейчас тот период уже закончился, потому что я как-то потерял интерес к постоянным встречам с друзьями — перекипело... Но лет пять вся моя семья жила в таком состоянии, когда у нас в доме постоянно были гости, постоянно был накрыт огромный стол, и постоянно шёл пир горой. Но при этом — что я осознал уже намного позже — на бытии нашей семьи такой образ жизни никогда никак не сказывался.

И ведь не то что бы я или жена мучительно «брали себя в руки», вставая утром на работу.

У нас всегда было так много дел и обязанностей, связанных с большим количеством детей, что машина социальной жизни нашей семьи просто никогда не сбоила. Что бы ни происходило, когда бы ни заканчивались застолья, всегда отец и мать поднимались в шесть утра и немедленно приступали к выполнению своих родительских обязанностей. По-кормить детей, отвести детей в школу... А должен вам сказать, что отвести детей в школу или в садик — у меня в своё время ещё не было машины — это задача не из лёгких.

Вот представьте. Трое детей. На улице зима. Я их всех одеваю, вывожу, грузю в маршрутку (а вы знаете, какие толпы бывают в них по утрам) — одного, другого, третьего, вползаю куда-то сам. Вся маршрутка висит на поручнях, смотрит на меня удивлёнными глазами. Потом я их оттуда вытаскиваю по очереди и веду: первого — в школу, второго — в один садик (они были в разных). Там его раздеваю, одеваю в садиковское. Третьего — в другой. Раздеваю, одеваю в садиковское. Заканчивается всё это около половины десятого. Я к этому времени уже просто... можно идти и ложиться спать. Но ты, конечно, не идёшь ложиться спать, а идёшь на работу. Потому что трое детей. И они всё время хотят есть, хотят мандарины, хотят игрушки. И ты идёшь и начинаешь зарабатывать деньги на весь этот круговорот.

Мне кажется, что те люди, кто склонен к чувству тотальной расслабленности, к желанию ничего не делать, а только напиться и лежать, или проснуться, опохмелиться — и опять весь день потерян, они просто не окружены бесконечным количеством забот, которые необходимо реализовать. Дети в этом смысле — лучшая школа жизни, лучшая дисциплинарная подпитка, лучший самоучитель по тотальной человеческой ответственности. С другой стороны, если ты эту модель жизни постоянно

воспроизводишь, прокручиваешь на глазах у детей, то её они и наследуют.

Итак, думаю, что все проблемы, связанные с употреблением алкоголя подростками и прочими зависимостями, объясняются несколькими очень простыми вещами. Первое — у них не сложились в полной мере необходимые отношения с родителями. Они, грубо говоря, недолюблены и пытаются восполнить всё, что они недополучили, вне семьи. Второе — ханжеское табуирование всего того, что сами родители себе вполне позволяют. Третье — недостаточная загруженность детей полезными, развивающими занятиями. И четвёртое — отсутствие примеров достойного поведения родителей.

Главное — семья

С рассказанным связана одна из моих идей. Возможно, весьма спорных. Но я искренне и абсолютно убеждён, что *необходимость социализации ребёнка в общегородском ландшафте, в обществе, среди одноклассников и сверстников у нас сегодня несколько преувеличена.*

И убеждён я в этом в силу, прежде всего, собственного опыта. Потому что всё самое важное в моей жизни, в период моего взросления, было связано именно с общением с родителями, с дедушками и бабушками, со своими братьями и сёстрами, с кузенами и кузинами. Именно это было самое главное. Ко всему остальному — что касалось школы, а тем более всех этих пионерских лагерей — я относился... с терпением. Это было самое скучное и ненужное мне в жизни.

Представление, что дети — это цветы жизни, на мой взгляд, тоже не вполне справедливо. Взрослые сплошь и рядом — редкие чудачки, дураки, а зачастую мерзавцы. Что мы хотим от их детей, совершенно непонятно, ведь дети — их отражение. И погружение ребёнка в среду, где среди

его сверстников колоссальное количество и пошляков, и глупцов, которые никогда не будут прекрасными, умными, замечательными людьми... Нет, не стоит идеализировать радость, полноцвётые и удивительный мир детства. И переживать о том, что ваш ребёнок якобы не социализируется, мне кажется, тоже не стоит.

Как человек, пишущий книги, я всегда апеллирую к биографии, скажем, Михаила Юрьевича Лермонтова, Льва Николаевича Толстого или, допустим, Николая Степановича Гумилёва. Всё это люди, которых воспитывала не улица и не сверстники. Толстой с Лермонтовым вообще в школу не ходили. Их воспитывали бонны и няни. Они росли вместе со своими сёстрами и братьями. А повзрослев, стали блестящими офицерами, выдающимися поэтами, гениальными писателями. И простонародье их слушало. И отлично они, что называется, социализировались.

Всё самое важное, что необходимо ребёнку, ему могут и должны дать родители. Я сам к этому постоянно стремлюсь. Периодически я увожу своих детей в деревню, где помимо нас живут ещё три семьи, и нет ни телевидения, ни Интернета, ни мобильной связи. Туда, в Кержацкие леса, раньше убегали старообрядцы. Вот и мы регулярно туда сбегает и живём по полгода. Когда возвращаемся в город, старший сын сдаёт экстерном все предметы в школе. Как правило, на «пятёрки». Все трое идут в свои секции, прекрасно со всеми общаются. То есть в течение полугодия опять получают социума в достатке. И я вижу, что никаких проблем у них с этим нет.

Я, конечно, не призываю никого убегать в деревню. Хотя и в этом ничего плохого нет. Но повторюсь: родителям необходимо самим так или иначе пытаться дать ребёнку максимум знаний, ощущений, понятий и всего остального.

Обобщу всё сказанное. *Ребёнок, который слышал родителей и сам был слышим родителями. Ребёнок, который с детства привык к тому, что у него может быть очень много самых разных, удивительных, полезных и увлекательных занятий. Ребёнок, который усвоил принципы гуманитарного мышления — это вещь тоже весьма нелишняя. Ребёнок, который унаследовал достойную модель поведения, данную ему родителями. И наконец, ребёнок, у родителей которого, попросту говоря, слова не расходились с делом. То есть всегда было чёткое совмещение риторики и практики, а не ханжеское запрещение чего-то, в то время, как папа на его глазах делает именно то, что он ему запрещает. Вот такой ребёнок, ровно по списку, меньше склонен к тому, чтобы впасть «во все тяжкие», в том числе и к употреблению алкоголя.*

В этом смысле, семья и семейное счастье — это, безусловно, не дар. Это труд. Но такой труд, который имеет шансы быть вознаграждённым.

И ещё это тотальная дисциплина. И тотальное взаимоуважение. Планка семейных отношений, тем более в присутствии детей, должна быть

поднята бесконечно высоко. Никогда мужчина не вправе, тем более в присутствии детей, унижить свою женщину. Никогда женщина не может, даже если отец неправ, в присутствии детей уронить статус отца. И как бы эти вещи ни казались нам далёкими от темы сегодняшнего обсуждения, я абсолютно убеждён, что эта модель поведения родителей также закладывает для ребёнка определённый поведенческий стереотип, которому он будет следовать.

Всё. Других путей нет. То есть они могут быть. Безусловно, может включаться школа. Могут включаться какие-то социальные программы. Могут включаться какие-то институты наставников. Но все эти пути, в моём понимании, являются вторичными. Самое главное закладывается исключительно в семье. Исключительно родителями.

Будущее наших детей, будущее страны, будущее нации, будущее русского языка — всё это происходит здесь и сейчас. В доме каждой конкретной семьи. Поэтому, как говорится, плодитесь, размножайтесь, создавайте семьи и любите друг друга. **НО**